

«КОМАНДИР» и «КОМИССАР»

Несколько лет назад я оказался в Дубае вместе с отечественным промышленником, создателем крупного высокотехнологичного производства. Мы гуляли вдоль застроенной небоскребами набережной, когда мой спутник, любуясь живым отражением ночного города в воде, сказал:

— Сделаешь что-то по-настоящему крупное, обязательно, сколь бы пионерским ни был проект, скажут: «Пришел на готовое». Это, в принципе, вполне справедливо: не будь забытых достижений царствования Алексея Михайловича, *не будь людей готовых — подготовленных им — к новому*, не было бы и Петра. Вот говорят: «Набили мошну нефтедолларами, пригласили специалистов со всего мира, те и отстроили в пустыне сказочные города, запустили и ведут за шейхов их успешный бизнес». Так и не так. Я послушал, что ты рассказывал, и понял, что народ здесь с древности самым активным образом участвовал в дальней, крайне опасной, но прибыльной морской и сухопутной — через пустыню — торговле, что он издревле инициативен, готов рисковать, не боится трудностей, легко адаптируется к новому. Идеальные качества для бизнесмена! *Не было бы этих людей*, не было бы и Дубая такого. Да, эти люди пришли на

готовое (нефть), но только они и смогли бы сделать такой супер-проект!

Я вспомнил эти слова, когда читал материалы международной научной конференции «Лев Штернберг — гражданин, ученый, педагог (к 150-летию со дня рождения)», которая прошла 24–26 октября 2011 г. в Санкт-Петербургском научном центре РАН и нашем Музее. Без малого тридцать представленных там докладов и составили содержание этого сборника.

Академик В.В. Радлов стал в 1894 г. директором выдающегося музея, однако всего за несколько лет до этого специальная академическая комиссия отмечала [Донесение комиссии...]: «Трудно было представить себе «что-нибудь более забитое и плачевное, чем наш этнографический музей», он «не заслуживает этого названия и справедливо может быть назван только временным складом или кладовой для хранения этнографической коллекции».

Радлов приступает к созданию великого музея для великой страны. Эта цель объединяет группу талантливых ученых. Наступает период коренного обновления и радикальных реформ. Организуются масштабные экспедиции, создаются новые экспозиции, возникает сеть корреспондентов Музея на местах, делающих его, по-настоящему народным. За двадцать лет (1894–1914) коллекции музея возрастают почти в пять раз, площади — в четыре раза, общее финансирование (включая пожертвования) — более чем в пять раз, штат увеличивается с двух до тридцати человек. При Радлове МАЭ постепенно становится международным научным центром. Здесь возникает научная школа, впоследствии получившая название Ленинградской школы этнографии.

Во главе всех этих начинаний стояли два человека — В.В. Радлов и Л.Я. Штернберг. Последний стал «комиссаром-этнографом» при «командире-тюркологе». Для того чтобы принять его в 1901 г., Академия наук выхлопотала бывшему ссыльному трехмесячное право жительства в столице: «и каждые три месяца акад. В.В. Радлов или акад. К.Г. Залеман отправлялись в тогдашнее Охранное отделение хлопотать о продлении разрешения. Дело в том, что на Льве Яков-

левиче лежало тогда два несмываемых “позорных пятна”: он был революционер, политический преступник, а во-вторых, еврей, еврей без диплома высшего учебного заведения» [Ратнер-Штернберг 1925: 32–33].

Музей стал для этих людей делом жизни. Когда увенчались успехом хлопоты о передаче МАЭ музейного флигеля, встал вопрос о покупке новых музейных витрин, но средств на них не было. «И выход был очень скоро найден: хотя Л.Я. (Штернберг. — *Е.Р.*) был приглашен на место старшего этнографа с соответственным содержанием, но ввиду того, что до получения университетского диплома он считался на службе по вольному найму, от директора зависело назначение ему размера жалованья. И вот, по обоюдному соглашению, было постановлено, что Л.Я., исполняя обязанности старшего этнографа, вместо жалованья в 2800 руб. будет в течение двух лет получать жалованье в размере 1500 руб., а имеющий получиться от этой экономии за два года остаток в 2600 руб. пойдет на нужды Музея» [Там же: 33–34]. Музейные шкафы, заказанные на эти деньги в Германии, до сих пор можно видеть на первом этаже Музея.

Эти люди пришли в Музей с удивительной историей, вроде бы «на готовое», но без них и сам Музей, и история отечественной гуманитарной науки были бы сегодня совершенно другими.

Почти тридцать докладов, прозвучавших на нашей конференции, в целом посвящены этой удивительной эпохе, эпохе бури и натиска, «золотому веку» в истории МАЭ и российской этнографии, который неотделим от личных биографий «командира», «комиссара» и их соратников. В докладах прозвучали разные мнения об эпохе в целом, о тех, чьими трудами создавался один из богатейших этнографических музеев мира, о достигнутых научных результатах. Не со всеми из этих мнений я как научный редактор сборника готов согласиться, но считаю необходимым представить читателю всю информацию.

Е. Резван

Библиография

Донесение комиссии, назначенной для обсуждения вопроса о выгоднейшем размещении библиотеки и открытых для публики музеев Академии» (1887 г.) // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Е.х. 14. Л. 41–41 об.

Ратнер-Штернберг С.А. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук (по личным воспоминаниям, литературным и архивным данным). Л., 1925.